

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «СТРАДАНИЕ»: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье поднимается проблема исследования страдания. Рассматривается особый его тип – страдание, связанное с познанием мира. Оно включает в себя страдание от бессилия и невозможности познания мира и страдание от силы своего знания. Исследуются понятия «субъект» и «объект» гносеологического страдания. Указывается на открытость субъекта, постоянное трансцендирование им своих пределов. Автор обращает внимание не только на негативную, но и на позитивную роль всех видов страдания, в том числе и страдания гносеологического.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена в первую очередь происходящими сегодня в нашей стране и в мире изменениями общей социальной и моральной атмосферы. Духовную деятельность практически полностью вытеснила деятельность научно-практическая. Человеческое существование сегодня отличается крайней неустойчивостью и подвержено опасности уничтожения. В этих условиях ситуация выбора каждым человеком дальнейшего жизненного пути, связанная с его духовным или метафизическим страданием, становится экстремальной.

Тезис Ф. Бэкона «знание – сила» остается актуальным и сегодня, но требует значительной корректировки. Знание – это сила, которая давит в первую очередь на своего носителя, к тому же, как это ни парадоксально, именно она открывает бессилие человека перед абсолютным знанием.

Разнообразие существующих в настоящее время форм знания вряд ли может рассматриваться как недостаток, который должен быть преодолен. Абсолютистские гносеологические каноны, поддерживающие идею унификации знания, обнаружили свою явную несостоятельность. Сегодня осознается ценность и незаменимость всех видов человеческого знания. Поэтому необходимо расширение гносеологической тематики, включение в нее всего многообразия феноменов знания (в том числе и гуманитарного). Теория познания не должна отходить и от таких традиционных проблем, как метафизическое страдание, свобода и ответственность человека в мире, страх перед возможностью проникновения в самые потаенные уголки «Я», в самую основу творения.

Самым высоким стремлением человека выступает стремление познать мир. Эта высокая страсть сопряжена и с особым типом страдания, когда человек испытывает духовное беспокойство, часто затем перерастающее в боль по поводу того, что не удается постичь.

Сам факт постижимости мира в отдельных случаях может восприниматься как реальное чудо, сопровождающееся чувством удивления и, по всей видимости, страданием. Ведь далеко не случайно

А. Эйнштейн как-то заметил, что развитие науки представляет собой постоянное преодоление чувства удивления – непрерывное бегство от «удивительного», от «чуда» (1).

Почему же удивительное причиняет столь сильную душевную боль? Очевидно, что данный вопрос уместен лишь в некоторых отношениях, особенно когда человеческий разум вступает в сферу действия демиургических сил. «Человек пал потому, что желал быть точно так же, как Бог» (2). Поэтому сегодня не зря нас некоторые призывают к разуму, к тому, чтобы мы остерегались необдуманных поступков, бурных страстей (в том числе и неограниченной страсти к познанию), обманчивых видимостей мира.

Субъект, стремительно набирающий силу знания, превращается в субъект познания, а затем в тот гносеологический субъект, в котором достигнута абсолютная боль, которая выражается в почти полном размежевании субъекта и объекта. В своем истоке это страдальческое размежевание – плод отделения умственного труда от физического и изолированной деятельности интеллигентного «Я», т. е. того «Я», которое специализируется на новоявленных знаковых системах. В противном случае одни мыслители не стали бы превращать каждого индивида в своеобразный кочан капусты и последовательно слой за слоем снимать с него листья вплоть до кочерыжки, т. е. внушать, что и индивидуальное тело, и физическое самочувствие, и сознание, и самосознание – это не субъект, и выносить все это в объект, так что, в конечном счете, от субъекта ничего не остается, даже кочерыжки, «ибо субъект якобы ничто, так как он всегда вне нечто», а другие не превратили бы наше «Я» и вообще субъект в прожорливое чудовище, пожирающее, мысленно конечно, окружающие субъект предметы, превращая их в совокупность ощущений, ставя объективное бытие в зависимость от субъективного его восприятия (*esse – percipi*, то есть «быть – значит быть в восприятии») (3).

Однако никакой субъект не может полностью выстрадать, «переварить» объект. Поэтому

субъект (как это, например, происходит в философии И.Г. Фихте) начинает делиться на «Я» и «не-Я», отчуждать от себя объект, дабы затем снова ограничиться единством равноправных сторон – индифференцией «Я» и «не-Я», где якобы полностью смолкает боль.

Итак, чистый гносеологический субъект или такой субъект, который избавился от всего объективного, означает наивысшее страдание, поскольку субъект, как потенция для самого себя, т. е. потенция своего собственного бытия, является как бы заменой всего, оказываясь «раздавленной» своей собственной «массой». Потому-то абсолютная свобода есть в то же время абсолютная тяжесть. Меня как субъекта, достигающего абсолютного самосознания, мучает мой проклятый «двойник», который говорит: «будь самим собой, оставайся самим собой!» Здесь, как видим, уже нет свободы, а есть абсолютная тяжесть, абсолютная материальность, абсолютное страдание.

Когда человек сводится к чистому трансцендентальному или гносеологическому субъекту, он утрачивает свое богатство как человека, ибо человек здесь сводится к чистой рациональности. Поэтому возникает острая необходимость в новом субъекте, в новой категории, которая учитывала бы весь богатейший «спектр» видов страдания. Такой субъект должен включить в себя не только чувственный мир, не только подсознательный и бессознательный мир, не только Божественное и Абсолютное «Я», но и весь космический универсум, в идее которого переданы все страдания и боли этого мира. Этот субъект, о котором мы ведем здесь речь, постоянно творит бытие, причем как свое собственное, так и чужое. Он постоянно выходит из себя, трансцендирует свои пределы, «превозмогает» себя, представляя собой, таким образом, открытую систему. Открытость субъекта, в свою очередь, предполагает постоянный обмен между его энергией и социокультурной средой, что составляет условие его существования как открытой системы.

Но «отнимите у человека сознание смертности, влечение и страдание, чувство любви, красоты – и заветная мечта сциентистов осуществится» (4). Постепенно эта мечта уже осуществляется через создание роботов с искусственным интеллектом; в самом человеке, в котором утрачивается чувство жизни; наконец, усиливающаяся автотрофная ориентация, доводящая кризис эмоциональности до логического конца.

В экзистенциализме через страдание открывается структура экзистенции. У М. Хайдеггера – это страх. В первую очередь – страх смерти. Именно страдания от осознания своей конечности в мире

и бессилия что-либо изменить ведут человека к самостоятельному бытию. Только сознательно переносив свой страх в себе, человек открывает бытие. Но сегодня мы редко задумываемся над подобными вопросами. Поэтому современному человеку еще необходимо учиться размышлять. «Мы еще не мыслим, – пишет М. Хайдеггер, – так как мы знак бессмысленный и не чувствуем боли, или, быть может, мы – знак бессмысленный и не чувствуем боли, поскольку мы еще не мыслим». Если верно последнее утверждение, то «мышление оказалось бы тем, через что первоначально смертным была бы дарована боль, и через мышление получил бы смысл знак, которым они являются» (5).

В мышлении действительно раскрываются все радости и все боли этого мира. Трагедия состоит в том, что сегодня люди разучились мыслить, а следовательно, им действительно трудно исправить, ибо они не чувствуют духовную боль.

Познание – еще не мышление. Последнее означает, прежде всего, духовную жизнь, жизнь целостную. Эти мысли словами Мефистофеля высказывает И.В. Гете, когда говорит о внешнем вмешательстве в жизнь, о познавательном изменении «живых предметов»:

...живой предмет желая изучить,
Чтоб ясное о нем познание получить, -
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась! (6)

В стремлении к воспроизведению и изменению человека оказываются слитыми все ветви познания. И генная инженерия, и замена отдельных органов искусственными, и развертывающаяся индустрия искусственного интеллекта – все это симптомы того, что человек превращается в человека без свойств, из которых к числу важнейших относятся любовь, способность страдать и сострадать.

Если познавательное моделирование человека предполагает смену его субстрата, то его моделирование как субъекта сознания и деятельности последовательно ведет к «снятию» его душевного и духовного миров. Ведь душа существует прежде всего как «напряжение противоречия между телом и духом, чувством и мыслью» (7). Душа вслед за эмоциями при голой рационально-прагматической деятельности оказывается фактом брака. Такая деятельность – одно из основных средств сужения многообразных духовных переживаний до чисто технической мысли. К.Э. Циолковский дал прекрасное описание таких существ, которые полностью освободились от ценностного отношения к

миру: «В замке в Гималаях поселились шесть великих ученых. Разочарование в людях и радостях жизни загнало их в уединение... Глубокоученые, давно прославленные миром, они превратились в какие-то мыслящие машины. Страдания и размышления ослабили их чувственность и возвысили ум. Одна и та же наука их сблизила» (8). Здесь страдание понимается К.Э. Циолковским в чисто негативном ключе – страдание как несоответствие самых отвлеченных стремлений, которые дороги и любимы, существующим потенциалам жизни. Такова суть техницизма как особого мировоззрения, в основе которого лежит озабоченность теми преградами, которые ставит познанию жизнь. Поэтому в своей сущности техницизм есть борьба с жизнью или знание, не знающее любви (мысль, которую якобы изрек Будда).

В настоящее время, видимо, можно сказать, что современный «массовый человек» западного типа является «историческим и компьютерным, гуманным и агуманным одновременно. Он раздирается противонаправленными импульсами, идущими от его естественного субстрата, с одной стороны, и от новейшей техники, с другой. Борьба между естественным и искусственным была всегда, она присуща человеку по природе, но теперь она обострилась до критического состояния...» (9). Выход из данного состояния состоит в разработке мироотношения, адекватного потребностям целостной природы человека, в основе которой лежит страдание, имеющее своей целью «уберечь человека от апатии, от духовного околечения. Пока мы способны к страданию, мы остаемся живыми духовно» (10). Действительно, мы мужаем и растем в страданиях, они делают нас богаче и сильнее.

У того, кто нападает на познавательную способность человека, есть уязвимое место, которое состоит в том, что в настоящее время в мире совершается научно-гуманитарная революция, происходит гуманизация познания, наблюдается рост гуманитарной культуры. Человек начинает защищаться от технократического духа, что проявляется в изменении самой категориальной структуры

современной духовности. Ведь философия отражает, в конечном счете, те изменения, которые происходят в жизни. На первое место в теоретических изысканиях выходят сегодня категории, свидетельствующие о стремлении к обобщенному мировоззренческому синтезу современности. Появилось значительное количество работ, в которых анализируются категории «веры» и «знания», «любви» и «духа», «свободы» и «страха», «судьбы» и «вины», наконец «страдания» и «деятельности», «познания» и «понимания» и т. д. Однако подлинная разработка всех этих категорий возможна не только на пути развития онтологии, но и гносеологии. Вопрос И. Канта «Что я могу знать?» – остается в силе. Гносеологическое страдание насквозь пронизывает человека. Человек с давних времен страдает не только потому, что бывает охваченным верой в познаваемость окружающего мира и своего собственного «Я», но и потому, что оказывается бессильным проникнуть в неизвестное, сталкивается с вещами и явлениями, которые значительно ухудшают его жизнь и познать, «овладеть» которыми он пока не в силах.

Знание часто бывает мнимым, и на это впервые со всей силой обратил свое внимание Сократ. Подлинно страдает не тот, кто понимает, что ничего не знает, а тот, кто отказывает себе не во всем знании, а именно в том, которым похваляются другие и с помощью которого они, как им кажется, действительно знают. Гносеологическое страдание есть не только глубокое осознание того факта, что данное знание не есть действительное знание, но и стремление «проплыть» к знанию через Лету забвения.

Гносеологическое страдание способно, таким образом, уберечь человека от апатии, от состояния духовной стагнации. Оно вызывает плодотворное духовное и мыслительное напряжение. Однако у гносеологического страдания есть и другая сторона, которая состоит в том, что человек страдает не только от силы своего знания, но и от бессилия проникнуть в неизвестное. Кроме того, знание часто бывает мнимым, и человеку важно поэтому уметь не абсолютизировать познанное.

Список использованной литературы:

1. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов в 4-х т.: Т. 4. – М.: Наука, 1967. – С. 261.
2. Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827-1828 гг. в записи Эрнста Ласо. – Томск: Изд-во «Водолей», 1999. – С. 218-219.
3. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира.: Учеб. для вузов. – М.: Высшая шк., 2001. – С. 12.
4. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. – Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. – С. 36.
5. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 141.
6. Гете И.В. Фауст // Пер. Н. Холодковского. – СПб.: Изд. дом «Кристалл», 2002.
7. Кутырев В.А. Указ. соч. – С.136.
8. Циолковский К.Э. Вне Земли. – М., 1958. – С. 21, 26.
9. Кутырев В.А. Указ. соч. – С. 140.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 225.